

СЮЖЕТЫ СТИХОТВОРНЫХ НОВЕЛЛ Н.А. НЕКРАСОВА

В статье анализируется сюжет 28 новелл Н.А. Некрасова; создана типология сюжетов с точки зрения тем и мотивов; рассмотрены основные элементы сюжета, показана их специфика в сравнении с лирикой и эпосом.

К вопросу о наличии сюжета в трех родах литературы (лирика, эпос, драма) нет единого подхода. Одни исследователи, как Г.Н. Пospelов и Л.И. Тимофеев, считают, что сюжет имеется только в эпических и драматических произведениях¹. Другие, – подобно В.В. Кожину, расширяют сферу его применения, распространив и на произведения лирического рода, полагая, что сюжет может присутствовать не только в эпосе, но и в лирике: как «последовательность взаимосвязанных внешних и внутренних движений», как «цепь опредмеченных речью душевных движений»². В.Е. Хализев утверждает, что «сюжет является организующим началом большинства произведений драматических и эпических (повествовательных)», однако «он [сюжет. – И.Д.] может быть значимым и в лирическом роде литературы (хотя, как правило, здесь он скупое детализирован и предельно компактен)»³. Сюжет ученый исследует с точки зрения его содержательных функций⁴.

Мы, как и ряд других ученых, в целом разделяем взгляды В.Е. Хализева и В.В. Кожина, но, в отличие от последнего, считаем сюжет категорией эпоса, а не лирики. В.Е. Холшевников совершенно справедливо заметил, что «основная трудность анализа композиции лирического стихотворения заключается в том, что в нем обычно отсутствует сюжет, т. е. изображение событий, развивающихся во времени и в определенном пространстве»⁵. Несмотря на это, термин «лирический сюжет» за последние десятилетия прочно укоренился в науке⁶. Следует учитывать, что сюжет в лирике имеет несколько иное значение, чем в эпосе. Именно поэтому, развивая свою мысль, В.Е. Холшевников отмечает условность понятия «лирический сюжет», хотя и допускает его употребление:

«так как все исследователи оговариваются, что речь здесь не о событии, а о развитии лирического образа, то выступать против употребления этого термина нет нужды, надо только помнить, что он условен. Но есть и оправдание для этого термина: как сюжет – движение событий, в котором развиваются образы героев, так и в лирическом стихотворении движется, развивается, стремится к концовке лирический образ»⁷. Б.О. Корман, как и В.Е. Холшевников, допускает употребление термина «лирический сюжет», но наглядно показывает выступающее различие между лирикой и эпосом: «в лирике единицей сюжета оказывается слово, и сюжет строится как сцепление слов. В эпосе же действует другой принцип сегментации: в качестве единиц сюжета выступают ситуации, эпизоды и пр. и сам сюжет строится как их сцепление»⁸.

Мы считаем, что в «чистой» лирике не может быть вполне развитого сюжета: как правило, он неразвит, едва намечен, в то время как в нашем лиро-эпическом жанре сюжет налицо. Проведенный нами анализ стихотворных произведений из корпуса текстов самого Некрасова и других поэтов середины XIX века, привлекаемых нами для фона, дал следующий результат: все 28 новелл Некрасова и 85 новелл других поэтов (А.Н. Апухтина, Н.П. Огарева, И.С. Никитина, Я.П. Полонского, С.Я. Надсона и др.) имеют хорошо развитые сюжеты. Подавляющее большинство стихотворных новелл Некрасова (20 из 28) и его современников (58 текстов из 85), построено **на любовном сюжете**, на взаимоотношениях мужчины и женщины, в то время как в балладах, где сюжет также выполняет жанрообразующую функцию, эта тематика не доминирует. Так, например, только в трех балладах А.К. Толстого из 11 основной сюжета является лю-

¹ См.: Пospelов Г.Н. Проблемы литературного стиля. – М., 1970. – С. 49; Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. – М., 1971. – С. 163-164.

² См.: Кожин В.В. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры. – М., 1964. – С. 427, 422.

³ См.: Хализев В.Е. Сюжет // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие. – М., 1999. – С. 381.

⁴ Рассматривание сюжета с позиции его содержательных функций восходит к традиции, идущей от В.Я. Проппа, который в сказке выделил 31 функцию. См.: Пропп В.Я. Морфология сказки. 2-е изд. – М., 1969 (Гл. 3).

⁵ Холшевников В.Е. Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения. – Л., 1985. – С. 8

⁶ См., например: Грехнев В.А. Лирический сюжет в поэзии Пушкина // Болдинские чтения. – Горький, 1977. – С. 4-23.

⁷ Холшевников В.Е. Ук. соч. – С. 8.

⁸ Корман Б.О. К методике анализа слова и сюжета в лирическом стихотворении // Вопросы сюжетосложения. Сб. статей, №5. – Рига, 1978. – С. 24.

бовь («Песня о Гаральде и Ярославне», «Сватовство», «Порой веселой мая...»), а в остальных сюжетах связан с походами русских князей на чужие земли, с боевыми действиями, с государственными интригами и доносами, с путешествием в ирреальные подводные пространства. В трех новеллах Некрасова взаимоотношения мужчин и женщин представляют собой «любовный треугольник». В «Зеленом Шуме» из-за супружеской измены чуть не совершилось преступление, а в «Отрывках из путевых записок графа Гаранского» один мужик барина «в куски живого изрубил», за то, что тот, «как женится мужик, / Веди к нему жену; проспит с ней первую ночь, / А там и мужу в дом...»⁹. Даже в новелле «Что думает старуха, когда ей не спится» воспоминания пожилой женщины в основном связаны с эротическими воспоминаниями ее молодости: «Охти мне! часто владыку небесного / Я искушала грехом: / Нутко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного / Раз я ушла с паренком / В рощу... В страдную пору большой притворилась – / Мужа в побывку ждала... / С Федей-солдатиком чуть не слюбилась... / С мужем под праздник спала». В «Огороднике» и «Вине» любовные отношения прекращаются из-за социального неравенства: «Знать, любить не рука / Мужу-вахлаку да дворянскую дочь!» («Огородник»); «Знать, старосте вплоть до земли / Поклонился другой молодец, / И с немилым» любимую рассказчиком Степаниду «повели / Мимо окон <...> под венец» («Вино»). Любовный сюжет в некотором смысле сближает новеллы стихотворные с прозаическими (см., например, «Блаженство безумия» Н.А. Полевого, «Адель» М.Н. Погодина, «Барышня-крестьянка», «Метель» А.С. Пушкина, «Страшная месть» Н.В. Гоголя, «Попрыгунья», «Дама с собачкой» А.П. Чехова, «Алые паруса» А.С. Грина, любовный цикл «Темные аллеи» И.А. Бунина) и с лиро-эпическими поэмами в русской традиции, где, как отмечал В.М. Жирмунский, сюжет является новеллистическим, так как в них «рассказывается отдельный случай из жизни частного лица. Повествование сосредоточено вокруг одного героя и одного события его внутренней жизни: обыкновенно это событие – любовь»¹⁰. Своеобразие любовных сюжетов в новеллах Некрасова состоит в том, что они осложнены социальными проблемами, и акценты делаются не на психо-

логическом противоборстве, что свойственно балладе, а чаще всего на жизненных обстоятельствах. Это показывает соотносительность наших наблюдений с выводами некрасоведов о социальности любовной темы¹¹. Так, в сюжетах 7 новелл Некрасова рассказывается о несчастливой любви, утратившей свое благополучие под воздействием сложившихся жизненных обстоятельств («В дороге», «Свадьба», «В больнице», «Княгиня», «Еду ли ночью по улице темной...», «Дешевая покупка», «Кумушки»), или так и не испытанной радости любви героем, «искалеченным жаждой стяжания» («Горе старого Наума»)¹².

В 5 новеллах в основе любовных отношений кроется социальный аспект. Так, в «Извозчике» Таня не ответила Ване взаимностью по причине его крепостной неволи («Прежде выкупись на волю, / Да потом хватай!»), а в «Убогой и нарядной» одна из героинь вынуждена заниматься проституцией, чтобы как-то поддержать свое существование. Н.А. Некрасов избегает прямолинейной социальности. Например, в новелле «Маша», где любовь – основа сюжета, муж работает на износ, но не из-за крайней необходимости, а ради нарядов возлюбленной – заглавной героини. Аналогичный случай в новелле «Папаша».

8 новелл Некрасова не имеет любовных сюжетов (отношения между мужчиной и женщиной упоминаются вскользь). Из них выделяются сюжеты на темы: а) библейские, в центре которых прегрешения – наказание – раскаяние – спасение – праведная жизнь («Влас»), построение храма («Притча»); б) падения и дальнейшей судьбы «маленького человека» (мелкого чиновника – в «Филантропе», городского бедняка – в «Воре», крепостного слуги – в новелле «Эй, Иван!»); в) преступлений, совершенных против людей, и наступившей расплаты («Секрет»); г) смерти мелкого чиновника и его похорон («Утренняя прогулка»). Особняком стоит новелла «Крестьянские дети», в которой несколько вставных новелл. Все названные выше тексты максимально выражают жанровое содержание новелл, кроме «Отрывков из путевых записок графа Гаранского» и «Крестьянских детей», представляющих собой пограничные формы между новеллой и несколькими сюжетными зарисовками, в которых сюжетная острота несколько сглажена.

⁹ Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в пятнадцати томах. Т. 1. – С. 125. Далее текст цитируется по этому изданию.

¹⁰ Жирмунский В.М. Сюжет и композиция // Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин: Пушкин и западные литературы. – Л., 1978. – С. 43.

¹¹ См. об этом: Гин М.М. От факта к образу и сюжету: О поэзии Н.А. Некрасова. – М., 1971. – С. 150-151; Корман Б.О. Некрасов и Тютчев (заметки) // Некрасовский сборник. V. – Л., 1973. – С. 209-211; Прийма Ф.Я. Некрасов и русская литература. – Л., 1987. – С. 28-29; Бухштаб Б.Я. Н.А. Некрасов: Проблемы творчества. – Л., 1989. – С. 304-307.

¹² Прокшин В.Г. Своеобразие психологизма в поэзии Н.А. Некрасова // О Некрасове: Статьи и материалы. Выпуск II. – Ярославль, 1968. – С. 21.

Отметим, что большинство новелл других поэтов середины века, не имеющих любовных сюжетов, связано со смертью близкого человека, болезнями и увечьями, неурядицами в семейной жизни («Мизам» Я.П. Полонского, «Уличная встреча», «Зимняя ночь в деревне», «Мертвое тело», «Портной» И.С. Никитина, «Грамотка», «Шут (Картинка из чиновничьего быта)» Л.Н. Трефолева, «Мать» С.Д. Дрожжина, «Горе» И.З. Сурикова и др.). В. Кондорская в специальной работе «Жанровые особенности рассказа и новеллы» писала о том, что «в середине XIX века буржуазная новелла характеров начинает вырождаться в литературе декаданса в новеллу субъективно-психологическую. <...> Новелла почти не повествует о внешних событиях, целиком занятая внутренним миром героя, психология которого надломлена, нездорова»¹³. Полагаем, что эти же симптомы, замеченные исследовательницей в прозаической новелле, характеризуют и стихотворную новеллу, обнажившую социальные противоречия переходного периода.

В основе 22 новелл Некрасова заложено по одному сюжету, а в 6 новеллах («Вино», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского», «В больнице», «Убогая и нарядная», «Знахарка», «Крестьянские дети») – сюжетов несколько. Например, в новелле «Вино» – 3 тематических развитых микросюжета и, кроме того, есть намеченный четвертый сюжет. События в «Вине», происходящие с главным героем – рассказчиком, следующие: 1) барин несправедливо, без вины наказал; 2) любимую Степаниду староста выдал замуж за другого; 3) купец не расплатился за проделанную работу, за что его «потянут в острог»; 4) драка, учиненная героем в кабаке, из-за которой тот оказался «в части». Последний сюжет не получает дальнейшего развития¹⁴, и финал текста остается открытым, что подчеркивается пунктуационными средствами (многоточием). В начале каждого сюжета, получившего развитие, рефреном звучат слова, являющиеся лейтмотивом всего произведения: «Не водиська на свете вина, / Тошен был бы мне свет. / И пожалуй – силен сатана! – / Натворил бы я бед», которые являются проявлением лирического начала в сюжетном стихотворении.

Остановимся на основных элементах сюжетов в новеллах Н.А. Некрасова. Подавляющее большинство новелл начинается с экспозиции и заканчивается развязкой или реже – эпилогом. В 10 новеллах Некрасова присутствуют **все элементы**

сюжета от экспозиции до эпилога или в отдельных текстах, в нашей терминологии, – «лирического эквивалента эпилога» («Огородник», «Еду ли ночью по улице темной...», «Вор», «Свадьба», «Княгиня», «Убогая и нарядная», «Папаша», «Похороны», «Дешевая покупка», «Зеленый Шум»).

Экспозиция присутствует не только в отмеченных нами 10 новеллах, в которых есть все элементы сюжета от экспозиции до эпилога, но и во всех остальных текстах, кроме упомянутых нами новелл «Вино» и «В больнице», в последней из которых экспозиция частично наблюдается лишь в одном, самом развитом сюжете, рассказывающем о судьбе старого вора. Характер экспозиции в новеллах различен. Она может быть помещена в самое начало произведений и включать пространственные характеристики с обозначением города, с указанием фамилии и имени персонажей, довольно подробно описывая жизнь главы семейства, как в «Прекрасной партии», в которой экспозиция занимает всю первую пронумерованную часть (12 катренов): «У хладных невских берегов, / В туманном Петрограде, / Жил некто господин Долгов / С женой и дочкой Надей. / Простой и добрый семьянин, / Чиновник непродажный, / Он нажил только дом один – / Но дом пятиэтажный» и т. д. А может, кроме города, сообщать точный адрес владельца дома, о котором далее будет рассказано в сюжете, довольно подробно описывая внешнюю обстановку дома, как в «Секрете»: «В счастливой Москве, на Неглинной, / Со львами, с решеткой кругом, / Стоит одиноко старинный, / Гербами украшенный дом. / Он с роскошью барской построен, / Как будто векам напоказ; / А ныне в нем несколько боен / Ис юфтью просторный лабаз» и т. д., или промышленные объекты и объекты цивилизации, принадлежащие заглавному герою новеллы «Горе старого Наума»: «Науму паточный завод / И дворик постоялый / Дают порядочный доход. / Наум – неглупый малый: <...> Питейный дом его стоит / На самом «перекате». В экспозиции новеллы «Что думает старуха, когда ей не спится» описывается сон в деревне, который «не посетил» героиню, а в «Зеленом Шуме» и «Утренней прогулке» изображаются явления природы: в первой из них – нашествие весны, символического Зеленого Шума, а во второй – природная стихия – наводнение. Во всех остальных экспозициях дается «изображение жизни персонажей в период, непосредственно предшествующий завязке и развертыванию конфлик-

¹³ Кондорская В. Жанровые особенности рассказа и новеллы // Сборник о литературном мастерстве. – Ярославль, 1957. – С. 183.

¹⁴ Эти особенности сюжета были отмечены в нашей работе. См.: Дымова И.А. Стихотворные новеллы Н.А. Некрасова на основе нескольких источников // Человек и общество / Материалы международной науч.-практич. конф. Ч. 3. – Оренбург, 2001. – С. 141.

та»¹⁵, за исключением новелл «Похороны» и «Влас», в которых экспозиция помещена после развязки (об этих текстах будет сказано позже).

Поскольку, как отмечалось, подавляющее большинство новелл Некрасова имеет любовный сюжет, то уже **завязка** многих новелл так или иначе связана с взаимоотношениями мужчины и женщины. Так, в 6 новеллах завязкой является сватовство, либо свадьба, либо начало совместного проживания («Прекрасная партия», «Вино», «В дороге», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского», «Свадьба», «Еду ли ночью по улице темной...»). Например, в «Прекрасной партии» завязкой служит сватовство к «хорошенькой Наде» молодого повесы, познавшего «тщету надежды» «скием и картами в руках», который «буйно молодость убил»: «Девичий сон еще был тих / И крепко благотворно. / А между тем давно жених / К ней сватался упорно...». Как правило, завязка в новеллах наступает после экспозиции. Однако, как мы уже заметили, у Некрасова есть два интересных случая, когда она запаздывает. Так, в новелле «Похороны» **развязка** дается не в конце произведения, а в начале: «Меж высоких хлебов затерялось / Небогатое наше село. / Горе горькое по свету шлялося / И на нас невзначай набрело. / Ой, беда приключилась страшная! / Мы такой не знавали вовек: / Как у нас – голова бесшабашная - / Застрелился чужой человек!». И в новелле «Влас» в нарушение сюжетно-композиционных традиций текст начинается с эпилога, а завязка является третьим элементом (эпилог-экспозиция, а затем – завязка): «Брал с родного, брал с убогого, / Слыл кашеем-мужиком; / Нрава был крутого, строгого... / Наконец и грянул гром! / Власу худо; кличет знахаря – / Да поможешь ли тому, / Кто снимал рубашку с пахаря, / Крал у нищего суму?».

Заметим, что в нескольких новеллах роль завязки исполняет **случай (случайность)**, который, по словам В.В. Савельевой, «стоит в истоке завязок художественного действия»¹⁶, а в фундаментальных работах теоретиков прозаической новеллы, например немецкого литературоведа Вальтера Кошмала, рассматривается как конструктивный тип события в новелле¹⁷. Слово «случай» употребляется в авторской фразеологии новеллы «Эй, Иван!» («Господа давно решили, / Что души в нем

нет. / Неизвестно – есть ли, нет ли, / Но с ним случай был: / Чуть живого сняли с петли, / Перед тем грустил») и в сказе «честного бедняка сочинителя» из новеллы «В больнице», как бы в подтверждение того, что это действительно незаурядный случай («Случай недавно ужасный тут был: / Пастор какой-то немецкой / К сыну приехал – и долго ходил...») / Вы поищите в мертвецкой», – / Сторож ему равнодушно сказал»). Случай лежит в основе завязки и в новеллах других поэтов середины XIX века. Например, в лирической новелле А.К. Толстого «Средь шумного бала, случайно...» событие начинается с случайного знакомства. Понятие «случай» в повествовательном контексте может приобретать и другие названия, например, в сказовой части новеллы «Извозчик» оно получает название «**диво**»: «Парень был Ванюха ражий, / Рослый человек, – / Не поддайся силе вражей, / Жил бы долгий век. / Полусонный по природе, / Знай зевал в кулак / И прозвание в народе / Получил: вахлак! / Правда, с ним случилось диво, / Как в Грязной стоял: / Ел он мало и лениво, / По ночам не спал...», в рассказе автора-повествователя новеллы «Горе старого Наума» – «**горе**»: «Уж округлился капитал, / В купцы бы надо вскоре, / А человек затосковал! / Пришло к Науму горе...». А в исповеди обманутого мужа в «Зеленом Шуме» и в рассказе деревенского жителя новеллы «Похороны» – случай – это «**беда**»: «Скромна моя хозяйшкa / Наталья Патрикеевна, / Водой не замути! / Да с ней беда случилась, / Как лето жил я в Питере... / Сама сказала, глупая, / Типун ей на язык!»; «Ой, беда приключилась страшная! / Мы такой не знавали вовек: / Как у нас – голова бесшабашная – / Застрелился чужой человек!». Случай в выражении рассказчиков может называться **сценой**: в «Воре» кража калача голодным человеком барину рисуется как «безобразная» сцена, а в «Утренней прогулке» – похороны бедного чиновника для автора-повествователя предстают как «тяжелая сцена».

В большинстве новелл **развитие действия** происходит линейно, что в ряде случаев подчеркивается хронотопом, как, например, в «Маше»: «И кипит-поспевает работа, / И болит-надрывается грудь... / Наконец наступила суббота: / Вот и праздник-пора отдохнуть!». Однако в новеллах «Зеленый Шум», «Вино», «Огородник», «Секрет»¹⁸,

¹⁵ Об экспозиции см.: Калашников В.А. Экспозиция // ЛЭС. – М., 1987. – С. 507.

¹⁶ Савельева В.В. Развитие действия. Событие, ситуация, случай, поступок // Савельева В.В. Художественный текст и художественный мир: Проблемы организации. – Алматы, 1996. – С. 146.

¹⁷ Кошмал В. Новелла и сказка: событие, случай, случайность (Гумилев, Гиппиус, Набоков, Хармс) // Русская новелла. Проблемы теории и истории. – СПб., 1993. – С. 243.

¹⁸ О развитии действия в сюжете новелл балладного типа см. в нашей работе: Дымова И.А. «Секрет (опыт современной баллады)» Н.А. Некрасова: баллада или новелла? // Текст: варианты интерпретации / Материалы межвузовской науч.-практич. конф. – Бийск, 2001. – С. 102.

источником создания которых является баллада, действие развивается с вершинными всплесками, для него характерны быстрота, динамизм, сюжетные лакуны. Так, в «Вине» и «Зеленом Шуме» постоянно возникает напряженная обстановка, связанная с назревающими мыслями совершить преступления и тем самым рассчитаться за нанесенные обиды. Некрасов выделяет «эффектные вершины действия» (термин В.М. Жирмунского), которые замыкаются в отдельной сцене в момент наивысшего драматического напряжения, оставляя недосказанным промежуточное течение событий. В «Вине» это драматическое напряжение возрастает от одного события к другому, во время которых «активизируются все главные силы сюжетной ситуации: обстоятельства, характеры, действие»¹⁹, и орудие мести – нож – рассказчик меняет на более грозное – «широкий топор»: «Не из камня душа! Невтерпеж! / Расходилась, что буря, она, / Наточил я на старосту нож / И для смелости выпил вина <...> Наточивши широкий топор, / «Пропадай!» – сам себе я сказал». Но в нарастании сюжета происходит торможение, драматическая ситуация ослабевает, когда рассказчик уходит от проблем, «топя свое горе» в вине. В «Зеленом Шуме» «эффектные драматические вершины» разрастаются под злую песню «зимы косматой», ревушей день и ночь («Убей, убей изменницу! / Злодея изведи!»): «Молчу... а дума лютая / Покоя не дает: / Убить... так жаль сердечную! / Стерпеть – так силы нет!». И, напротив, под весеннюю песню, призывающую любить, «покуда любится», терпеть, «покуда терпится», прощать, «пока прощается», «слабеет дума лютая, / Нож валится из рук», а вместе с этим исчезает и драматическая напряженность конфликта.

Довольно часто действие в сюжете развивается вокруг одного персонажа, а остальные, порою лишённые речевых и портретных характеристик, вовлекаются в действие ради этого первого персонажа. Так, например, немец-управитель в «Княгине» понадобился лишь для того, чтобы «в силу повеленья» продать за бесценок все имущество овдовевшей княгини, собирающейся замуж за француза, а доктор, – чтобы дать ей совет отпра-

виться лечиться на воды. Однако в многоперсонажных новеллах, таких как «Убогая и нарядная», событие развивается как в прозаической новелле, где оно «может произойти в жизни одного персонажа и не затронуть другие персонажи»²⁰. В «Убогой и нарядной» параллельно развивающиеся события вокруг «убогой» и вокруг «нарядной» не пересекаются. По мнению Ф.П. Федорова, «в так называемых «малых» жанрах (рассказе, новелле) события, даже если они происходят в жизни ограниченного числа персонажей, обретают общечеловеческое, всемирно-историческое значение подобно тому, как всемирно-историческим значением заполнено любое лирическое произведение»²¹. С этим высказыванием, пожалуй, следует согласиться, поскольку талант Некрасова избирал для своих новелл самые актуальные и вечные темы, такие, как жизнь и смерть, любовь и ненависть, ревность, подлость и благородство, бедность и богатство и др.

Развязка²², т. е. «заклительный момент в развитии конфликта или интриги <...>; момент окончания действия или завершения конфликта между персонажами»²³, в подавляющем большинстве текстов наступает после экспозиции, развития действия, усложненного перипетиями, и кульминации. Однако в некоторых случаях новелла заканчивается развязкой, данной в будущем времени в пророчествах автора, как, например, «В дороге», где муж-рассказчик, не понимая настоящей причины тоски Груши, предсказывает трагическое разрешение конфликта в семье: «Да недолго пострела потешит! / Слышь, как щепка худа и бледна, / Ходит, тоись, совсем через силу, / В день двух ложек не съест толокна – / Чай, свалим через месяц в могилу...». Развязка является заключительным звеном, подготовленным всеми предшествующими.

Остановимся на **концовке (финале)** новелл как на важном элементе, т. к. теоретики прозаической новеллы в качестве жанрового признака, кроме сюжетности, особо выделяют и концовку (p o i n t e) с характерной для нее сжатостью и неожиданностью, «где сосредоточена вся ее сила»²⁴. Т. Сильман, говоря о лирическом стихотворении, особое место уделила и его концовке,

¹⁹ О сюжетной ситуации см.: Краснов В. Г. Сюжеты русской классической литературы. – Коломна, 2001. – С. 25.

²⁰ См. об этом: Федоров Ф.П. Система событий в новеллах Г. Клейста («Землетрясение в Чили») // Вопросы сюжетосложения. Сб. статей. №5. – Рига, 1978. – С. 83.

²¹ Там же. – С. 83.

²² Сам Некрасов, очевидно, почувствовавший жанровое новаторство одного из своих произведений («Княгиня»), не вмещающегося в рамки сугубо лирического стихотворения, в котором, как мы уже писали, не может быть вполне развитого сюжета, сделал большой акцент на этом элементе сюжета, не только выделив развязку отдельной строфой, но и оформив вербально: «Тут пришла развязка. Круто изменился / Доктор-спекулятор: деспотом явился! / Деньги, бриллианты – все пустил в аферы / А жену тиранил, ревновал без меры <...>».

²³ Калашников В.А. Развязка // ЛЭС. – М., 1987. – С. 316.

²⁴ Виноградов И.А. О теории новеллы // Виноградов И.А. Вопросы марксистской поэтики. – М., 1972. – С. 250.

которая «есть его наиболее ответственная часть», потому как в ней «завершается лирический сюжет <...>, «дорисовывается» душевный облик лирического героя <...>, формируется итог, поэтическое «открытие», ради которого, собственно, стихотворение было создано <...>, здесь тем самым происходит слияние плана изображения с основной точкой отсчета»²⁵. Половина новелл Н.А. Некрасова имеет закрытый, исчерпывающий финал, который закрывается вместе с окончанием повествования о жизни персонажей («Вор», «Филантроп», «Извозчик», «Секрет», «В больнице», «Княгиня», «Дешевая покупка», «Кумушки», «Утренняя прогулка», «Притча», «Горе старого Наума», «Что думает старуха, когда ей не спится», «Зеленый Шум», «Огородник»). У второй половины новелл **финал** (концовка) открытый, но предсказуемый, т. к. автор сам рисует дальнейшую жизнь своих героев довольно определенно («В дороге», «Вино», «Похороны», «Папаша», «Убогая и нарядная», «Еду ли ночью по улице темной...», «Прекрасная партия», «Маша», «Влас», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского», «Свадьба», «Эй, Иван!», «Знахарка», «Крестьянские дети»).

Эпилог заканчиваются 13 новелл. Эпилог может охватывать довольно продолжительный промежуток времени, например 40 лет, как в «Филантропе» («Дальше нечего рассказывать! / Минет сорок лет зимой, / Как я щеку стал подвизывать, / Отморозивши хмельной») или «целый год», как в «Княгине», на протяжении которого после смерти княгиню «в отчизне дальней <...> судили – резко, без пощады, / Наконец устали... И одна осталась память: что с отличным вкусом одевалась!». У Некрасова есть и такие эпилоги, которые звучат как авторские пророчества. Их мы называем «лирическим эквивалентом эпилога», которые, в нашем понимании, являются своего рода открытым

финалом, встречающимся в «Маше», «Свадьбе», «Убогой и нарядной», «Папаше» и др.

Итак, 1) наше предположение, что в новеллах есть сюжет, который мы априори рассматривали как доминантный признак, подтвердилось: во всех 28 новеллах Некрасова и новеллах других поэтов середины XIX века он, бесспорно, есть; 2) анализ сюжетов новелл Некрасова позволил создать следующую типологию: а) подавляющее большинство новелл имеет любовные сюжеты; б) меньшую группу составляют сюжеты на: библейские темы; тему падения «маленького человека» (мелкого чиновника, городского бедняка, крепостного слуги); тему преступлений, совершенных против людей, и наступившей расплаты; тему жизни и смерти мелкого чиновника, его похорон. Все сюжеты, как правило, включают моменты социального неравенства, где драматические коллизии сюжетов обусловлены обстоятельствами жизни героев; 3) наши исследования свидетельствуют о том, что это не лирические сюжеты, а сюжеты развитые, со всеми элементами: с экспозицией – в 26 новеллах; с завязкой – во всех текстах без исключения, с акцентировкой внимания на случае во многих из них; с развитием действия – преимущественно с линейным ходом событий (в новеллах балладного генезиса – с «эффектными драматическими вершинами»); с развязкой; 4) Особую роль в новеллах играют финалы: в половине новелл – закрытые, а в другой половине – открытые, переходящие в эпилог (или «лирический эквивалент эпилога»); 5) Специфика сюжетов стихотворных новелл состоит в том, что сюжетная канва иногда выглядит размытой, и она реконструируется за счет авторского присутствия в рефренах, восклицаниях, вопросительных конструкциях и других лирических приемах, которые как бы оттеняют или выстраивают канву.

²⁵ Сильман Т. Заметки о лирике. – Л., 1977. – С. 168.